

Оглавление

Благодарности	7
Введение. Анархизм: мифы и реальность	9
Мировоззрение анархиста	11
Глава 1. Традиции	19
Анархизм и интернационал	22
Парижская коммуна и Хеймаркетское дело	29
Критика анархистами государства	34
Анархический социализм	41
Откровенный страх буржуазии:	
анархист — это террорист	46
Три первых буржуазных классификатора	
и интерпретатора анархизма	51
Каноны	56
Глава 2. Культура	62
Доминирование	65
Доминирование и закон	67
Доминирование и иерархия: Бакунин и Толстой	75
Доминирование и завоевание:	
Элизе Реклю и Вольтарина де Клер	82
Образование	91
Схоластика, школьное обучение и социализация	95
Обмен опытом и анархические культуры	116
Недоминирование: культура и анархия	120

Глава 3. Практики	122
Краткая история анархистского активизма и насилия	123
Дискуссии об организации	128
Эволюционисты и революционеры	132
Современный анархистский активизм	141
Активизм и угнетение	156
Анархия в действии	172
Анархизм и феминизм	174
Глава 4. Условия	186
Анархические принципы организации общества	186
Эксперименты индивидуалистов с конституцией	191
Коммунистические конституции	201
Утопии	212
Долговечные утопии	217
Краткосрочные утопии	224
Демократия	235
Демократический коммунизм	238
Консенсус	243
Обусловленная анархия	249
Глава 5. Перспективы	251
Успех и неудача	252
Дилемма	257
Подходы к анархизации	265
Анархизация и жертвенность	279
Биографии анархистов	283
Примечания	372
Дополнительная литература	407
Указатель.....	413

Благодарности

В создании этой книги принимали участие разные люди: одни комментировали черновики, другие помогали находить информацию, третьи приводили примеры анархистской практики. Прежде всего выражаю благодарность Касиане Ионите за внимательное прочтение и отличный совет по представлению аргументации, Роберту Найту за его комментарии к черновику и предложения по доработке текста и Клэр Пелигри за строгий и конструктивный подход к редактированию. Питер Райли поделился своими знаниями о Генри Сеймуре. Также отдельное спасибо независимому исследователю и художнику Дэниелу Хакфильду за кропотливую проработку вопроса о жизни Сеймура. Наташа Кинг помогала мне размышлять о власти и привилегиях, а Марина Максимова, Роберт Грэм и Эндрю Корнелл — искать сведения о малоизвестных активистах.

ВВЕДЕНИЕ

Анархизм: мифы и реальность

В 1999 году в Сиэтле активисты феерически сорвали саммит Всемирной торговой организации. Это событие положило начало альтерглобализации, или кампании за глобальную справедливость, — антикапиталистическому «движению движений», которое часто называют анархистским. В том же году создатели фильма «И целого мира мало» столкнули лбами Джеймса Бонда и Виктора Зокаса по прозвищу Ренард — бывшего офицера Советской армии и агента КГБ, жестокого даже по меркам экранных антагонистов Бонда. В фильме сообщалось, что он анархист, а в прошлом, еще до того, как альтерглобалистское движение оказалось в центре внимания СМИ, совершал убийства для некой организации антикапиталистов.

С одной стороны, факты от вымысла отличить легко. Ренард — плод воображения сценаристов и режиссеров, а срыв саммита ВТО в Сиэтле — документально зафиксированное событие. С другой стороны, такое навешивание анархистского ярлыка и на убийцу, и на протестное движение дезориентирует: вымысел начинает сливаться с реальностью. Зритель, скорее всего, усомнится в том, что Ренард действительно живет с пулей, застрявшей в его головном мозге, однако связь между эмоциональной неустойчивостью, возникшей вследствие этой травмы, и исповеданием анархизма кажется вполне естественной. Более того, его безжалостность и бескомпромиссность только укрепляют глубоко укоренившееся в обществе мнение об анархизме,

которое заметно влияет и на оценку активистских движений. Общеизвестно, что анархизм альтерглобалистов не дал поводов для обвинений его в садизме, агрессивности или мстительности, однако ведущие политики того времени акцентировали внимание на том, что он притягивает опасные сборища «вандалов и клоунов». Движение отвергалось по двум мотивам: как нестабильное и как несерьезное. Когда же участники уличных протестов начали устраивать погромы, как в 2001 году в Гётеборге, у властей появилась причина мобилизоваться против «анархистов». И до и после этих событий волшебное слово на букву «а» срабатывало как триггер для агрессивных действий полиции. Не стало исключением и движение за глобальную справедливость. Протестующие, собравшиеся в 2001 году в Генуе во время саммита стран «Большой восьмерки», в полной мере испытали на себе жестокость полицейского произвола.

Культурные стереотипы, на которых выстроен образ Ренарда, не только искажают реальную картину, но и блокируют саму возможность раскрытия сути анархизма. Они пытаются обесценить воодушевляющую историю критической мысли и сопротивления, оправдывают дискриминацию и репрессии, причем даже в тех случаях, когда факты неравенства и несправедливости предельно очевидны и признаны обществом. Быть анархистом означает бросать вызов существующей системе, претворять в жизнь эгалитарные принципы равных возможностей и поощрять модели поведения, основанные на сотрудничестве и отказе от доминирования одних людей над другими. Анархистская деятельность может принимать разнообразные формы, многие из которых легко вписываются в повседневную жизнь. Как мы увидим далее, образ Ренарда не имеет ничего общего с движущими мотивациями, пафосом и ценностными устремлениями анархистов по умолчанию.

Мировоззрение анархиста

В 1919 году скульптор и гравер Эрик Гилл в журнале *Burlington Magazine* выступил против предложений сэра Фредерика Кеньона, внесенных им в Имперскую комиссию по военным захоронениям. Комиссия была создана в мае 1917 года с целью сбора информации о местах захоронения солдат и составления списков погибших, местонахождение могил которых не было установлено. В конце войны проектировать воинские кладбища пригласили троих выдающихся архитекторов: сэра Эдвина Лаченса, сэра Герберта Бейкера и сэра Реджинальда Бломфельда. Кеньону, директору Британского музея, было поручено согласование архитектурных планов. В своем докладе, датированном ноябрем 1918 года, он призвал комиссию руководствоваться принципом равенства. Как выразился Кеньон, «что будет сделано для одного, должно быть сделано для всех, и отношение, независимо от воинского звания или социального положения, нужно сохранить равное ко всем». На практике же соблюдение принципа равенства выглядело как ответственность за проектирование памятников и планировку кладбищ, возложенная на плечи комиссии. Официальная позиция заключалась в том, что подобные вопросы «нельзя оставлять на усмотрение частных лиц», поскольку «удовлетворительные» результаты при таком подходе возможны лишь там, где «не нужны деньги и хороший вкус». С точки зрения комиссии, для большинства могил существовал риск, что «памятника не будет вовсе или же он будет ненадлежащего качества». В итоге мемориалы станут похожи на английские погосты со множеством «беспорядочных» надгробий. Такая картина не вызовет «ни гордости, ни воодушевления», и «чувство боевого братства и общего служения будет потеряно»¹.

Связав равенство с единообразием, Кеньон рекомендовал на каждом памятнике указывать фамилию, звание, полк

и дату смерти солдата. Семья при этом могла выбрать только стандартную эпитафию из ограниченного списка, что позволяло избежать «многословности, сентиментального стихотворчества и замысловатых высказываний», противоречащих самой идее воинского кладбища, которое должно оставлять впечатление «батальона на параде» и сохранять «дух дисциплины и порядка, на котором зиждется армия»². Самая большая уступка Кеньона «различиям в единообразии» заключалась в том, чтобы снабдить надгробия символикой того или иного полка.

Гилл возражал против всей концепции Кеньона и указывал на коррупцию как причину таких представлений о равенстве, поскольку архитектурное единство подразумевало процессы массового производства. Комиссия по военным захоронениям поступила верно, обратившись за советом к архитекторам, но ей ни в коем случае не следовало отдавать им *ведущую роль*. «Проектирование памятников должно осуществляться исключительно теми, кто их *создает*», то есть самими скульпторами и производителями надгробий. Гилл работал с камнем и, конечно, был заинтересован в заключении выгодных контрактов с комиссией, однако его аргументация касалась исключительно социальных отношений, поддерживаемых ремесленным трудом. Если бы комиссия поручила скульпторам гравировку надгробий, она бы куда полнее реализовала заявленные Кеньоном эгалитарные цели и смогла бы по-настоящему учесть «настроение всей нации, как бедных ее представителей, так и богатых». Претензии Гилла были из области понятий «власть» и «собственность»:

«Отношение комиссии к этому вопросу тем более не вызывает удивления, что для нашего времени стала характерной тенденция навязывать идеи небольшой группы людей большинству, притом старательно маскируя этот

процесс приверженностью демократическим ценностям и социальным реформам. Посему идея о том, что пол-миллиона надгробий должны быть изготовлены в соответствии с представлениями нескольких архитекторов (идея, достойная разве что пруссаков или Птолемея на пике своей мысли), а не тысяч каменотесов и двадцати миллионов родственников погибших, кажется вполне нормальной. Между тем увековечение “чувства боевого братства и общего служения”, “духа дисциплины и порядка” — это всего лишь попытка обойти простое и естественное желание родственников самим решать, как будет выглядеть памятник покойному члену их семьи»³.

Призывы Кеньона к равенству Гилл считал неискренними. Его предложения, сводившиеся к единообразию, были продиктованы экономическими мотивами и стремлением подчинять. Задуманный им образ кладбища, вызывающий ассоциации с батальоном на параде, вызывал оцепенение и уж точно никого не вдохновлял. Это утверждение Гилл проиллюстрировал следующим образом: «Толпа, заполнившая Трафальгарскую площадь, — зрелище впечатляющее. Однако если вместо людей вы расставите портновские манекены, то результат, каким бы безупречным он ни был с архитектурной точки зрения, уже не будет столь впечатляющим»⁴. Если Имперская комиссия по военным захоронениям всерьез намеревалась проявить уважение к погибшим, то следовало бы увековечить память о них как об отцах, братьях, возлюбленных и сыновьях, а не как о винтиках кровавой военной машины. В сухом остатке любой войны — потеря семьями близких. Более того, Гилл задавался вопросом о законности предложений Кеньона: являются ли тела солдат, а также земля, на которой они похоронены, «безусловной собственностью правительства»? В конце он приходит к бесспорному выводу, что солдат

сначала попросили отдать свою жизнь во имя великого блага страны, а теперь заставляют жертвовать и своей смертью.

Возражения Гилла были проигнорированы, но своим протестом он в значительной, если не в полной мере выразил анархистские настроения, описав простыми словами движущую силу, систему ценностей, перспективы и сам дух анархизма.

Движущая сила анархизма — отдельно взятый человек, индивидуум. Гилл продемонстрировал это предложением отдать решение вопроса об увековечении памяти павших скульпторам и семьям погибших. Он верил, что в целом жизнь становится богаче, когда люди действуют в соответствии с собственными суждениями, и, наоборот, оскудевает, если решения принимаются сторонними лицами, независимо от их опыта и добродетельности. В своем письме он подчеркивал, что комиссия не имела «права диктовать родственникам, что должно и чего не должно быть начертано на камне» и как именно следует хранить память об умерших. Да, у нее были полномочия, но «не было *права*... поработать интеллектуально, морально, эстетически или физически даже одного человека, а уж тем более такое большое число людей»⁶. Учитывая, что собственные суждения человека подразумевают ответственность, Гилл признавал, что люди могут ошибаться. Но от этого не застрахованы и правительства, тогда как последствия их ошибок обходятся, как правило, куда дороже.

Специфика и своеобразие системы ценностей анархистов — в сотрудничестве и солидарности. Этот аспект анархизма Гилл выразил своим призывом к Имперской комиссии нанимать «мелких ремесленников и небольшие фирмы», а также неприязнью к «коммерческому успеху организованного производства». В своей автобиографии он высказал субъективное мнение, что «деловые люди правят нами и навязывают миру свою сомнительную точку зрения», а это само

по себе «несравнимо ужаснее», чем если бы «все человечество погрязло в разврате и пьянстве»⁷. Интересы «деловых людей» ограничиваются накоплением денег, и это «отвратительно»; интересы же мелких производителей лежат в другой области. Как члены общин, они не только с меньшей вероятностью станут эксплуатировать тех, кто потерял близких, но и обладают уникальными возможностями для выражения своих чувств. За этой критикой стояла простая мысль о том, что в основе социального взаимодействия должны лежать общение и дружба, в то время как эксплуатацию и извлечение выгоды необходимо сводить к минимуму.

Перспективы анархизма обширны. На первый взгляд, протест Гилла затрагивал технические вопросы производства надгробий и их гравировки, однако в центре его внимания оказались идеологические предубеждения, выраженные в предложениях Кеньона, и готовность правительства реализовывать собственные планы за счет граждан, к которым оно якобы проявляет уважение. Письмо Гилла — это письмо художника, который верил, что каждый может творить и этим менять мир. Поэтому он не касался таких абстракций, как капитализм и формы организации труда, а продемонстрировал наглядный обезличивающий эффект массового производства. Не осуждая напрямую милитаризм, Гилл показал, что дисциплина, подчинение и другие его ценности незаметно внедряются в общественное сознание, в том числе проектами военных кладбищ. Более абстрактные явления — право гражданина не быть порабощенным и свободу самоопределения — он рассмотрел через призму скорби, утраты близкого человека и сохранения памяти о нем. Вместо того чтобы критиковать национализм в философском поле, он выступил против смешения Кеньоном понятий смерти и концепции патриотического долга, доступно объяснив ее уничижающий характер. Во многом опираясь на собственный опыт, Гилл

показал, как принятые на высоком уровне решения сказываются в повседневной жизни и как сложные и на первый взгляд неразрешимые проблемы, с которыми сталкиваются простые люди, могут быть преодолены, если будет найден корень этих проблем. В этом тоже проявился его типично анархистский подход.

Цель этой книги — познакомить с теорией и дать представление о практике анархизма. Первая глава открывается событиями, которые произошли спустя 30 лет после того, как Пьер-Жозеф Прудон опубликовал брошюру «Что такое собственность?», представлявшую собой первую конструктивную аргументацию анархии. За отправную точку я беру изложенную анархистами в конце XIX века критику порабощения государством. Рассказывая о развитии анархизма, вместо хронологического принципа я использую тематический подход. Моя цель — показать, что появление анархизма в XIX веке привело не только к созданию нового мировоззрения и общественного идеала, с соответствующими коллективными и индивидуальными практиками, которые выходят далеко за исторические и географические рамки, предполагаемые этой системой ценностей. Вторая глава посвящена анархической критике власти, а в последующих главах рассматриваются практики, планы и перспективы анархизма. Каждая из глав насыщена историческими примерами, но для того, чтобы нить повествования была более связной, их фокус постепенно смещается с XIX на XXI век.

Мой подход скорее импрессионистский, чем идеологический, в том смысле, что я не пытаюсь классифицировать группы концепций, существующих в рамках анархизма, или дать систематический анализ того, как анархистами понимались свобода, равенство и другие идеи⁸. Хотя у меня есть живой интерес к тому, как анархизм был устроен в конце

XIX века, я не пытаюсь очертить его границы подобно некоторым поздним историкам⁹. В то же время я не верю, что анархизм бесконечно проницаем и может впитывать в себя все подряд, поэтому некоторые его разновидности я намеренно игнорирую (в частности, «рыночный анархизм»¹⁰, «анархо-капитализм»¹¹ и «национал-анархизм»¹²). Тем не менее я утверждаю, что историю анархизма можно рассматривать в двух направлениях — как в обратном, так и в прямом, от его истоков, — а также с разных географических точек и под разными углами. Одно из достоинств анархизма заключается в том, что в нем нет ни единого намека на «тайное знание» — ни до, ни после подведения под него теоретических основ. Именно поэтому я убеждена, что анархизм тесно связан с целым спектром неанархических идей и практик. Гилл — лишь один из примеров тому. Чтобы подчеркнуть это, я помещаю работы неанархистов в один ряд с работами тех, кто однозначно относил себя к анархистам.

В этом исследовании анархизм представлен как история идей в поле их обсуждения, а не строго в контексте событий, как теперь принято излагать истории идей. Я показываю, как анархисты реагировали на те или иные ситуации и обстоятельства, но при этом делаю акцент на сопоставлении работ, написанных в разное время и в разных местах авторами, изучавшими вопросы образования, насилия, классов и т. д., чтобы подчеркнуть их связь с традицией, которую они развивали. В книге содержатся сведения об известных анархистах, однако, осознавая, что многие анархисты опасаются создания анархического «канона», я также рассмотрела работы менее прославленных и даже малоизвестных деятелей. Ни одного из них не следует считать полноценным представителем анархизма (понятие «представитель» анархисты обычно расценивают как проклятие). Выбор имен, скорее, обусловлен стремлением показать многослойную картину

анархизма и богатство его разнообразия. Точно так же, выборочно, я привожу идеи упоминаемых здесь писателей, при этом ограничиваюсь краткой справкой, не претендующей на статус исчерпывающего или даже ознакомительного отчета о творчестве этих авторов.

Анализ анархистских групп и движений в основном касается конкретных лиц, которые в них входят или входили. В этом отношении на меня повлияла «Биографическая энциклопедия» (Biographical Encyclopedia) Владимиром Муньоса — исследование 20 выдающихся личностей¹³. Следуя его примеру, я включила в книгу короткие очерки о моих персонажах и тех, с кем они контактировали, чтобы дать представление об их жизни и указать на важные взаимосвязи между активистами. Читатель должен понять, что анархисты — не святые: на счету некоторых из них числятся неблагоприятные или сомнительные поступки. Но я надеюсь, что к концу этой книги он оценит необычайное мужество и изобретательность, проявленные поколениями анархистов в борьбе с несправедливостью, и поймет, что анархические взгляды способны заметно оживить современную политику.

Традиции

Термин «анархизм» принято объяснять этимологически, связывая суть доктрины с древнегреческим словом *anarchia*. В переводе оно буквально означает «безвластие». Этим путем часто идут и те, кто относит себя к анархистам. Этимологическое объяснение заостряет внимание на угнетении, которое, как они утверждают, влечет за собой власть, и на равноправии, за которое выступают они сами. Если монархисты признают единоначалие — власть одного, то анархисты ратуют за безначалие, или отсутствие власти как таковой. Это мощный и доступный для понимания призыв. Проблема, однако, заключается в том, что он помещает анархизм в поле власти, которая по умолчанию отрицает анархию во оправдание самое себя. Таким образом, анархия сразу определяется как состояние беспорядка. То же самое относится и к политической мысли. Здесь преобладает мнение, что люди стремятся уберечь себя от тех неудобств или насилия, которые сопровождают анархию и, поскольку у них хватает ума сделать это (как нас уверяют со всей однозначностью), они подчиняются правительству. Анархия — это такой общественный строй, которого люди стараются всеми силами избежать, ибо

он подразумевает хаос, внесудебные расправы, бесчинства толпы и не может гарантировать ни мира, ни безопасности*.

С чего же в таком случае начать размышления об анархизме? Найти отправную точку, которая соответствовала бы духу данного вопроса, сложно, поскольку анархисты обычно противятся тому, чтобы их движения и принципы классифицировались. Они с подозрением относятся к попыткам определить пространственно-временные истоки анархизма и отвергают избирательные оценки, в которых особое внимание уделяется конкретным историческим фигурам. Почему это так? Потому что навешивание ярлыков выглядит как попытка обозначить границы, которые сами анархисты намеренно не устанавливают; потому что идентификация истоков вынуждает конструировать идеологическую структуру из набора фиксированных традиций, в то время как анархисты предпочитают видеть ее проницаемой и текучей; и, наконец, потому что привязка анархизма к датам и местам возникновения определенных групп представляется необоснованной и лишаящей явление его полноты. Последнее может также спровоцировать уклон в евроцентризм, который только усиливается и вызывает еще больший перекосяк, когда мы начинаем подчеркивать роль отдельных личностей или ключевых текстов. В результате все сводится к тому, что изобретение анархизма становится заслугой нескольких гениев — что характерно, из числа белых людей, — которые метко сформулировали великую идею, аккуратно упаковали ее и распространили по всему миру.

* В частности, в «Оксфордском словаре», который является основой словаря русского языка Google, необязательные следствия фигурируют в основном определении как неотъемлемые характеристики: «Анархия — безначалие, отсутствие организованной власти, приводящее к беспорядку, хаосу (отсутствие плановой организации общественного производства, неизбежно приводящее его к кризисам и безработице)». — *Прим. ред.*

Да, первый тезис, из которого я буду исходить, утверждает, что анархизм начал формироваться как отдельное движение в середине XIX века в Европе — во Франции, Германии, Италии и Испании — в период доминирования европейских государств. Однако это не значит, что он появился в готовом виде или что такая локализация закрепляет за Европой какие-то уникальные права на формулирование теории анархизма. На мой взгляд, анархизм возник в результате важнейшего взаимодействия с другими радикальными и прогрессивными движениями, а также вопреки согласованному противодействию со стороны консервативных и реакционных сил. Это обстоятельство придало анархизму особый политический колорит. Анархистов стали отличать от неанархистов по их реакции на конкретные проблемы и события. Зачастую их опознавали по факту изгнания из других политических групп и по тем целенаправленным репрессиям, которые применялись к ним религиозными и государственными институтами.

Второй мой тезис заключается в том, что анархизм есть продукт критической мысли, в том числе таких его первопродцов, как П.-Ж. Прудон, Михаил Бакунин, Луиза Мишель и Йоганн Мост, которые с гордостью называли себя анархистами. Их тексты и практические методы легли в основу идейной структуры анархизма. Некоторые из ранних комментаторов хорошо осознавали связь между принципами, изложенными анархистами, и конкретными движениями, но, даже понимая, что анархизм не является философией в общепринятом смысле, они все равно сосредоточивали свое внимание на немногочисленных ключевых фигурах. Таким образом, хотя область исследований анархизма чрезвычайно широка (нет ни ключевых положений, ни основных механизмов или мест действия, только бесчисленные примеры сопротивления, реакции и возрождения), говорить об анархических традициях все же можно. Анархизм формировался

под влиянием множества историй и отдельных событий, анархичных по своей сути. Их опись и создание образа анархизма в XIX веке как его поборниками, так и оппонентами позволяет выявить фамильные сходства явления во времени и пространстве.

Анархизм и интернационал

Раскол в 1872 году Международного товарищества рабочих (МТР), известного как Первый интернационал, иногда называют переломным моментом для европейского анархистского движения. В истории социализма раскол обычно рассматривается как точка, в которой движение разделилось на два крыла — марксистское и анархистское. Это намеренное упрощение. Значимость краха Первого интернационала росла лишь по мере углубления враждебности между анархистами и марксистами, и в ретроспективе это становится особенно очевидным. Сам по себе раскол не внес ясности в определение социалистов, однако сам этот момент оказался действительно важным для последующего развития социализма. У тех, кто относил себя к анархистам, крах МТР выкристаллизовал понимание государства, которое до этого обсуждалось во многом абстрактно.

Первый интернационал был учрежден в Лондоне в 1864 году британскими и французскими профсоюзными лидерами с целью поддержать борьбу трудящихся против эксплуатации. Члены организации придерживались ряда принципов, два из которых были особенно значимы: мысль, что победа в освободительной борьбе может быть достигнута только самими трудящимися, и убежденность в том, что классовое равенство выше различий, основанных на цвете кожи, вероисповедании или национальности. В этом и заключалась приверженность интернационализму. Других факторов

сплоченности в рядах МТР, кроме этих общих правил, практически не было, и на протяжении всей недолгой истории организации ее сотрясали соперничество фракций и раздоры.

Спор между Карлом Марксом и Михаилом Бакуниным, тлевший еще с конца 1860-х годов, в 1872 году вспыхнул со всей силой. Маркс был одним из ведущих деятелей Интернационала и с 1864 года входил в его Генеральный совет. Бакунин, как и Маркс, пользовался огромным авторитетом: он принимал активное участие в восстаниях 1848 года, был дважды приговорен к смертной казни в 1850 и 1851 годах, а десятью годами позже совершил побег из Сибири. В 1840-х годах он был соратником Маркса, однако с тех пор отдалился от него. В 1868 году он вступил в Женевскую секцию МТР, уже будучи лидером созданной им организации — Альянса социалистической демократии. После этого Бакунин обвинил Маркса в попытке подорвать самостоятельность интегрированных в МТР органов путем ужесточения контроля со стороны исполнительной власти. Он также утверждал, что Маркс ошибается, призывая создавать политические партии как средства осуществления революций. В то время в Европе было мало возможностей для организации социалистических партий. Однако возражения Бакунина против политики Маркса носили принципиальный характер — он полагал, что участие в работе законодательных институтов, скорее всего, ослабит революционный пыл угнетенных и сделает их частью тех самых систем, которые регулируют эксплуатацию и угнетение.

Помимо разногласий в вопросах организации и стратегии, разгорелся теоретический спор о динамике исторических изменений, государстве, частной собственности и классовости. Эти понятия широко использовались в социалистических кругах, но разными людьми часто трактовались по-разному. Бакунин пытался показать, что причина их разногласий с Марксом лежит именно в этой плоскости.

Впервые Бакунин подверг Маркса критике в 1840-х годах после своей встречи с Пьером-Жозефом Прудонем — первым из авторов, применившим термин «анархист» для описания собственных политических убеждений. Прудон, в прошлом типографский рабочий, а затем журналист и писатель, вероятно наиболее известный своей книгой «Что такое собственность?»*, заявил о себе как сторонник самоорганизации рабочих в период Второй французской республики (1848–1851). Хотя обращение Бакунина к некоторым аргументам Прудона на первый взгляд должно было укрепить фундаментальное разделение на анархистов и марксистов внутри Интернационала, на деле линии обороны оказались более размытыми, чем такое разделение предполагает. Ранее Маркс высмеял экономическую концепцию Прудона и указал на различия в понимании исторических изменений. Вопреки доводам Прудона, он утверждал, что историей прежде всего движут экономические изменения. Материалистическая точка зрения Маркса заключалась в том, что инновации в производстве нарушают существующий баланс сил. Группы, получающие выгоду от внедрения новых технологий и обладающие экономической властью, будут стремиться к тому, чтобы закрепить за собой полученные выгоды, взяв в свои руки управление государственным аппаратом. Они будут бороться за политическую власть и тем самым противостоять существующим элитам, которые ранее аналогичным образом использовали деньги и богатства, чтобы принять законы в свою пользу. С точки зрения Маркса, это противостояние было революционным и представляло собой прогрессивную энергию классовой войны. Прудон тоже был революционером, однако не поддерживал идею классовой войны и отвергал то, что считал экономическим детерминизмом позиции Маркса.

* Прудон П.-Ж. Что такое собственность? — М.: Республика, 1998.

Прудон утверждал, что Маркс неверно описывает характер экономической и политической власти. С его точки зрения, первая основывалась на возможности претендовать на исключительное право собственности. Это право было закреплено в законе и обеспечивалось насильем со стороны государства (полицией, вооруженными силами, судебной системой). Он подтверждал правоту Маркса относительно того, что существуют различные формы собственности, которые меняются с течением времени, однако считал, что подлинная революционная трансформация подразумевает упразднение исключительного права частной собственности и ликвидацию систем государственного управления, которые были созданы в качестве его гарантии. Как и Маркс, Прудон был материалистом, но его представления о реформе правовой системы сделали его идеалистом в глазах Маркса. Для Маркса Прудон оставался утопистом, ошибочно полагавшим, что изменить мир можно путем изменения юридической концепции собственности.

Какова была позиция Бакунина? Как ни странно, он поддержал марксистский взгляд на идеализм Прудона и объявил себя сторонником обоснованного Марксом материалистического понимания истории. Но при этом заявил, что Маркс толкует материализм слишком узко, а следовательно, не в состоянии оценить, что значит революционное преобразование. Выступая таким образом уже на стороне Прудона против Маркса, Бакунин раскритиковал его теорию, которая основное внимание уделяла институтам частной собственности и государства.

Бакунин утверждал, что Маркса в первую очередь интересовали изменения форм собственности и динамика классовой борьбы. Это была важная работа: Маркс объяснил возникновение новой промышленной буржуазии, показал, как этот класс смел старую землевладельческую аристократию

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru